
ПОЭТИКА ИМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ МОРДОВСКОМ РОМАНЕ

В. И. ДЁМИН,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
финно-угорских литератур
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

С. В. ШЕЯНОВА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
финно-угорских литератур
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Для философской мысли XX в. традиционна интерпретация глубокой связи между словом, именем и судьбой человека. А. Ф. Лосев [8], П. А. Флоренский [14], С. Н. Булгаков [3] полагали, что мистическая содержательность слова преобразуется в имени человека в своеобразную формулу его судьбы. С именем соотносится проблема познания – онтологической сути, спроецированная на идею самореализации в процессе бытия – судьбы. По утверждению А. Ф. Лосева, «имя есть жизнь...» [8, 14]. П. А. Флоренский говорит об имени как об «общечеловеческой формуле», являющейся «конденсатором духовной и психофизической сущности личности» [14]. Ю. М. Лотман понимает под ним «проявление человеческой природы и связанное с этим выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности как основы ее ценности для “другого” и “других”» [9, 36]. Б. В. Томашевский называет имя «простейшим элементом характеристики героя» [12, 200]. Таким образом, философы актуализируют имя как важный «знак» в личностном проявлении человека и его судьбе, а литературоведы решают проблемы художественной антропоники, тесно связанной с другими категориями эстетического целого.

Несмотря на общее признание имени конструктивным фактором построения концептуальной сферы художественного текста, до настоящего времени вопрос о том, сознателен или случаен выбор писателями именной системы произведений, остается дискуссионным. Интересен в связи с этим подход П. А. Флоренского, по мнению которого, выбор имени писателем «происходит не вполне сознательно, и поэт, опираясь на интуитивно добытое им имя, сам не вполне знает, как дорого оно ему. Но тем не менее не следует преувеличивать эту несознательность поэта: оно не правило. Во многих случаях вдохновение знает, что делает, – не только протекает с необходимостью, но и отдает себе отчет в своей необходимости» [14].

Современные исследователи [см., например: 4; 6; 7], занимающиеся литературной ономастикой, рассматривающие поэтику имен в художественной литературе, выделяют ряд их функций: социально-оценочную, контекстно-стилистическую, характерологическую, идентификационную, номинативную, эстетическую, мифологическую, символическую, композиционную (перспективация), деконструктивную, концептуальную и др.

В мордовском литературоведении работ, посвященных художественной антропонимике, практически нет. Между тем антропонимическая лаборатория национальных писателей, пути и способы создания имен персонажей – весьма интересная литературоведческая проблема, решение которой способствует выяснению различных аспектов поэтики произведения, выявлению специфики индивидуально-авторского стиля, репрезентации национальной картины мира.

Ономастическое поле художественного текста способно отражать историю, культуру, мировосприятие людей посредством индивидуальных образов. В полной мере это прослеживается в романе К. Абрамова «Пургаз» [1], в котором имя кроме художественно-эстетической выполняет информационно-познавательную функцию – представляет сведения о социально-бытовой и культурной сфере деятельности древних эрзян. Например, читатель узнает, что после замужества настоящее имя женщины в доме мужа забывали и давали ей новое имя, наиболее полно раскрывающее черты ее характера, внешний облик или положение в семье (Вежава – «самая младшая женщина (жена)», Мазава – «красивая женщина», Рузава – «русская женщина» и др.). Роль антропонимов в пространстве романа заключается, таким образом, не только в различении (идентификации) индивидов, но и в создании художественного образа и формировании идейно-образного поля повествования.

В художественных произведениях возможны «субъективные толкования значения собственных имен, основанные на субъективных ассоциациях автора. В собственных именах, как и в нарицательных, писатели воспринимают и стилистическое, и эмоционально-оценочное содержание» [7, 81]. Такое толкование имен встречаем и у К. Абрамова. Например, положительных героев писатель наделяет именами Парава («добрая женщина»), Мазава («красивая женщина»), персонажей с отрицательными чертами – Кижеват («злой, сердитый»). Через имя

прозаик стремится восстановить внутреннюю суть персонажа, ибо «в имени – средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. <...> ...имя есть необходимый результат мысли, и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения» [8, 96–97]. Особенности поэтической антропонимики романа подводят к определенной стилизации старины и национального колорита. К. Абрамов реанимирует ряд древнемордовских имен (Пургаз, Обран, Ушмай, Промза, Руша, Миянза, Арис, Тишай и др.), что воссоздает специфику исторической эпохи, мировосприятие древних людей. Поэтика имени в произведении коррелирует с общей концептуальной идеей романа, подчеркивает самобытность культуры эрзянского народа, отражает специфику национального менталитета.

Именная система романа А. Доронина «Кочкодыкесь – пакся нармунь» («Перепелка – птица полевая») [5] мотивирована, на наш взгляд, художественной логикой произведения, воссоздающего жизнь мордовской деревни рубежа 1980–1990-х гг. В тексте распространены общеупотребительные имена героев, имеющих прототипов, – Иван, Павел, Игорь, Трофим, Ольга, Виктор и др. В данном случае характерологическая роль имени, сознательный подбор автором антропологической лексики подвергаются сомнению, однако не будем забывать высказывания П. А. Флоренского об интуитивном характере творческого процесса. «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», – утверждает мыслитель [14]. Интересным представляется образ Розы Рузавиной. Из контекста ясно, что героиня отличается внешней и внутренней красотой, она добросердечна, отзывчива, одновременно для нее характерны женская гордость, стремление вырваться из бытового «заточения». Сущность героини совпадает с семантикой имени – красивого, благородного цветка. Художественная логика имени в данном случае, на наш взгляд, раскры-

вает глубину нравственности человека. Таким образом, правомерно говорить о характерологической функции имени, одновременно выступающего отражением собственно-авторских личностных измерений сущности героини.

В романе «Перепелка – птица полевая» наблюдается и иная функция поэтического антропонима. Правомерно говорить о резком контрасте между семантикой имени персонажа и его характером. Древне-еврейское имя Захар определяет своего носителя как человека добродушного, уравновешенного, лишённого негативных эмоций, честного, ответственного, участвующего в решении чужих проблем. Характер и поведение алчного, жестокого лесничего Захара Киргизова абсолютно контрастируют с вышеупомянутыми определениями. Очевидна деконструктивная функция, на ономастическом уровне имеющая, по мысли Н. В. Васильевой, различные выражения [4]. В анализируемом романе деконструкции подвергается не имя, а связь «имя – характер». Призванный заданием имени творить добро во имя людей, Киргизов на каждом шагу разрушает, уничтожает, убивает живое. Заложенная в имени программа не смогла реализоваться. Отсюда – мифологический мотив отмщения: за содеянное зло природа отбирает жизнь у лесничего.

В антропонимическом пространстве романа А. Брыжинского «Вечкеманть тусонзо эсензэ» («У любви краски свои») [2] отсутствуют откровенно «говорящие» и «кричащие» имена, хотя, как писал в свое время Ю. Н. Тынянов, «в художественном произведении нет неговорящих имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [13, 186–187]. Автор использует распространенные имена Петр, Наташа, Иван, Лиза, Виктор, Борис, Анна, имена представителей старшего поколения Перфил, Тимофей, Серафим, Даниил, Марфа, Варлам. Однако в тексте встречаются и редко-употребительные

Владислав, Руфина, Фаина. Возможно, редкость уже подразумевает индивидуализацию героев. В случае с Руфиной Романовной – это единственное средство инициализации персонажа. Имя главного героя Петра Паксяськина найдено точно, беспримысленно. В переводе с греческого Петр означает «крепкий как камень, скала». Имя ассоциируется с постоянством, надежностью; его носитель – уверенный в себе, трезвомыслящий человек. Фамилия Паксяськин соотносится с трудовым началом, народной жизнью, близостью к земле. Проследивается связь между именем, чертами характера героя и его судьбой – быть крепким хозяином на земле, с упорством добиваться намеченной цели.

Антропонимическая лаборатория национальных писателей, пути и способы создания имен персонажей – весьма интересная литературоведческая проблема, решение которой способствует выяснению различных аспектов поэтики произведения, выявлению специфики индивидуально-авторского стиля, репрезентации национальной картины мира.

В антропонимическую формулу «Фаина Викторовна» входят распространенное отчество и колоритное имя, которое перетягивает на себя акцент. Фаина в переводе с греческого – «сияющая». Этимология имени в романе оправдывает себя: Фаина – скромная девушка, сияющая внутренней чистотой. Имя фонетически созвучно слову «фауна», соотносясь со всем естественным, беззащитным, хрупким. В конце романа героиня, подвергшаяся насилию со стороны бандитов-рэкетиров, умирает при родах. Таким образом, имя Фаина раскрывает не только психологический склад характера, но и судьбу женщины. В тексте чаще встречается форма Фаина Викторовна, через нее проявляются

социальный статус героини (учительница), ее восприятие другими персонажами, номинация выражает определенную позицию нарратора. Форма имени «может выражать близость, дистанцированность, отчужденность» [4, 140]. В данном случае, на наш взгляд, формула «Имя + Отчество» в авторской речи демонстрирует некую неоправданную «холодность» рассказчика к своей героине. Об этом же свидетельствует и тот факт, что писатель не дает Фаине возможности раскрыться, реализовать свои интенции; в авторском восприятии она закрыта. Романист, бесспорно, уважает ее как личность, однако не видит супругой Паксяськина и из-за этого «игнорирует». Процесс эволюции взаимоотношений Петра и Фаины также не находит логической реконструкции.

В романе «У любви краски свои» применяются прозвища: Афродита, Зевс, Аполлон, Дионис, Апостол. По справедливому замечанию Ю. А. Карпенко, «прозвища ярко эмоциональны и экспрессивны, ибо обладают эмоционально-оценочной функцией. Они наглядно демонстрируют процесс перехода познанных и отобранных фактов объективной реальности в эмоционально-оценочные художественные образы... Но в то же время прозвище не превращается в абстрактное понятие, оно сохраняет предметность и зримость образа, поскольку качество человека обозначено через конкретный и знакомый коллективу воспринимающих предмет. Так, в прозвищах постоянно осуществляется движение от конкретного к абстрактному и через него вновь к чувственно-конкретному, предметно зримому» [6, 35]. В романе А. Брыжинского прозвища являются самостоятельными образованиями, они не зависят от официальных имен персонажей, не выносимых в ономастическое пространство романа, обладают, несомненно, экспрессивно-оценочной семантикой. Литературные теонимы, вызывающие в сознании читателя определенные мифологические образы и представления, подвергаются

деконструкции, в результате которой превращаются в прозвища с негативно-ироническим оттенком. Таким образом, имя в романе «У любви краски свои» выполняет номинативную, идентификационную, характерологическую, деконструктивную функции, представляет особенности общественной жизни периода начала 1990-х гг. – макромир произведения, реализующийся в частных судьбах.

В философской мысли XX в. с именем соотносится проблема познания экзистенциальной сути человека. Данная функция имени очевидна в романе Е. Четвергова (Нуяня Видяза) «Ванине» («Ванечка») [10], в котором поэтическая антропонимика позволяет познать духовное строение личности и в целом выйти на идею произведения. Е. Четвергов называет героя Ванечкой на протяжении всего повествования, даже когда он предстает перед читателем зрелым мужчиной, и выносит его имя в название романа. В данном случае перед нами – не уменьшительно-ласкательная форма имени, а символ обмельчавшей души, нравственно опустошенного, низменного существа. Выведение антропонима в название романа определяет его концептуальную роль в художественном русле произведения. В романе «Ванечка» имя отражает не только психологический склад и нравственную суть персонажа, но и его судьбу и линию поведения.

В романе «Здесь и Там» («Тесэ ды Тосо») [11] Е. Четвергов, на наш взгляд, сознательно подбирает имена своих героев – Виана и Валдай. Прежде всего, по фонетическому звучанию имени состоят из гласных, сонорных и звонких звуков, созвучны по звуковой инструментровке. Автор использует не употребительные в настоящее время имена, скорее всего они являются плодом его вымысла.

Имя Виана, – вероятно, производное от эрзянского слова «вий» («сила»). Связь между именем и судьбой героини прямая – это сильная женщина, которая пережила много горя, смерть близких, потерю родных людей, разочарование, обман, одна-

ко внутренняя сила помогла ей выстоять, не ожесточиться, не сломаться. В данном случае имя становится характерологической категорией: характер диктует имя. Сущность Валдая также совпадает с семантикой, заложенной в имени: слово «валдо» на эрзянском означает «светлый, радостный, яркий; *перен.* символ истины, счастья, свободы» [15, 101]. Однако роль имени в романе «Здесь и Там» не ограничивается характерологической функцией – оно становится гносеологической и концептуальной категорией, выступает, таким образом, полифункциональной поэтической составляющей эпического целого.

В современном мордовском романе в основном используются имена с «погашенной» этимологией, вряд ли писатели

сознательно ориентировались на их значения в греческом или латинском языке. Однако соотношение имени, характера и судьбы героев таково, что характер диктует имя, а имя – характер и судьбу. Мордовскому роману присуще «предсказание именем судьбы» персонажей. Национальные писатели используют концептуальные, характерологические, социально-оценочные, номинативные, композиционные возможности имени, подчиняют эстетическую систему антропонимов решению жанрово-стилевых, художественно-этических задач. Функциональная полифония имени проявляется на разных уровнях содержательной и формальной структуры романного слова.

Поступила 17.01.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов, К.* Пургаз : кезэренъ пингедэ евтнема / К. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1988. – 480 с.
2. *Брыжинский, А.* Вечкеманть тусонзо эсензэ : роман на морд.-эрзя яз. / А. Брыжинский. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 2004. – 320 с.
3. *Булгаков, С. Н.* Философия имени / С. Н. Булгаков. – 2-е изд. – СПб. : Наука, 2008. – 448 с.
4. *Васильева, Н. В.* Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – 2-е изд., испр. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
5. *Доронин, А.* Кочкодкыкесь – пакся нармунь : роман на морд.-эрзя яз. / А. Доронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1993. – 380 с.
6. *Карпенко, Ю. А.* Имя собственное в художественной литературе // Филол. науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.
7. *Ковалевская, Е. Г.* Слово в тексте художественного произведения // Аспекты и приемы анализа текста художественного произведения : межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1983. – С. 70–87.
8. *Лосев, А. Ф.* Философия имени / А. Ф. Лосев. – М. : Академ. проект, 2009. – 300 с.
9. *Лотман, Ю. М.* Мир собственных имен // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб., 2010. – С. 11–148.
10. *Нуянь Видяз (Четвергов Е.).* Ванине : роман на морд.-эрзя яз. / Нуянь Видяз. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 2011. – 204 с.
11. *Нуянь Видяз (Четвергов Е.).* Тесэ ды Тосо : сермасо роман // Нуянь Видяз. Тесэ ды Тосо : сермасо роман, келей евтнема ды евтнемат. – Саранск, 2013. – С. 3–180.
12. *Томашевский, Б. В.* Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский ; вступ. ст. Н. Д. Тамарченко ; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 334 с.
13. *Тынянов, Ю. Н.* Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. Избранные труды / сост., вступ. ст., коммент. Вл. Новикова. – М., 2002. – С. 167–188.
14. *Флоренский, П. А.* Имена [Электронный ресурс] / П. А. Флоренский. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/florensk> (дата обращения: 02.01.2014).
15. *Эрзянско-русский словарь* : ок. 27 000 слов / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. – М. : Рус. яз. : Дигора, 1993. – 803 с.